

ИНОПЛАНЕТНЫЙ ГОСТЬ

Андрей Бартенеv прославился в 1990-е безбашенными перформансами, а сегодня художник – мировая звезда пластического искусства. Кто он, человек под маской, выяснил Vogue накануне его первой ретроспективы.

Текст ОЛЬГА КОСЫРЕВА

Фото ДМИТРИЙ ЖУРАВЛЕВ

Это было какое-то космическое открытие. Сладчайший яд, который всех нас трансформировал. Испив его, люди не могли быть прежними», — художник Андрей Бартенев вспоминает 1990-е в России, которые теперь принято считать эпохой бандитского беспредела. Но в той же мере они были временем безразмерных возможностей, опьяняющего воздуха свободы, освобождения от догм и невероятного подъема свежей андеграундной культуры. Весь мир тогда казался прекрасным, новым, фееричным — и был таковым.

Среди тех, кто лил сладчайший яд и соединял землю с космосом, были и Влад Мамышев-Монро, чья посмертная ретроспектива этим летом в Московском музее современного искусства стала знаковой для культурной общественности, и Света Виккерс, наивная художница и клубная королева того времени, уже позабытая, но воскрешенная тем же музеем в начале этого года. Ретроспектива Бартенева в ММСИ на Гоголевском бульваре логично продолжает этот ряд героев 1990-х, которых пришло время вспоминать и любить. Ибо их мир никогда уже не будет нашей с вами реальностью.

Именно в начале того десятилетия Андрей Бартенев, которому в этом году исполняется пятьдесят, прославился своими безбашенными публичными представлениями и фантазийными костюмами-скульптурами. Рассказы о них до сих пор будоражат неокрепшие умы. Так, во время перформанса «Минеральные воды», который был показан Бартеневым в старых винных погребах на Петровском бульваре, зрители стояли по щиколотки в воде, а со сцены актеры поливали их из лейек. Спонсировала действо компания Smirnoff — и водка лилась так же, как вода. Напились все крепко, разумеется. И экстаз был полный. «Понимаете, тогда был такой период — у всего, что бы вы ни делали, не было прецедентов, — рассказывает художник. — Все было абсолютно новым для зрителя, водопад никогда ранее не испытанных эмоций. И зритель, конечно, сходил с ума».

Из героев того времени кто-то погиб, большинство повзрослело и бросило безумства, и лишь Бартенев стал гражданином мира. Он то делает инсталляции для фестиваля гуру театрального авангарда Боба Уилсона в его поместье Уотермилл, то участвует в проекте Кабаковых «Корабль толерантности» в Нью-Йорке, то устраивает перформанс по мотивам картины Ван Гога «Жнец на пше-

ничном поле» в амстердамском художественном музее Винсента Ван Гога. Его перформанс «Пузыри надежды», пародирующий показы мод, вообще объехал весь мир, от Майами до Норильска. Его живопись и коллажи, такие же яркие, как и костюмы, охотно покупают коллекционеры. Его пригласили в Норвегию преподавать искусство перформанса в художественной академии, и теперь Бартенев проводит там много времени, а живет в поместье семьи художника Мунка.

«Ботанический балет», «Фруктовый покер», «Полеты чаек в чистом небе», «Нижнее белье для Африки», «Монпансье в зоопарке», «Я фей, я — фей прекрасный» — читая названия перформансов Бартенева, ловишь себя на мысли: это какие вещества надо принимать, чтобы так фонтанировать? Наверное, водки мало. И заранее представляешь себе городского сумасшедшего, настоящего, чистой воды, фрика.

Но в жизни человек, скандальнее и эпатажнее которого, казалось бы, трудно придумать, оказался тонким, деликатным эльфом, с негромким голосом и очень вежливой, но убедительной манерой изложения. Адекватностью и здравомыслием он даст фору многим эффективным менеджерам от искусства, а искренностью, детскостью и ромашковостью — многим кисейным барышням и хорошим поэтам. Пьет он, кстати, только воду из горных источников, исключительно в стеклянных бутылках. «Курить я бросил в третьем классе, чай — после того, как уехал из Норильска, где его по традиции пьют очень крепким. А кофе мне никогда не нравился». И единственный его наркотик — это сахар. Кто бы знал, что от сахара так вставляет?!

За два часа нашей беседы на скамейке в старинном московском монастыре Бартенев поговорил с приبلудной кошкой, попытался у голубей, что они там клюют в траве, рассказал мне, как строится его диалог с небом в окне, как поразила его прогулка по заснеженному пустыню Центральному парку в Нью-Йорке и какие ощущения способна доставить ему случайно увиденная поляна с ландышами. «Этим летом я работал с детьми на «Архстоянии детском» (детская версия крупнейшего в России фестиваля ландшафтных проектов. — Прим. Vogue), и когда расчищали пространство для сцены, там оказалось море ландышей! Я два дня в себя не мог прийти. У меня были галлюцинации: дорога превращалась в разломы и сколы, будто подо мною лопнул электрический лед! Это было великолепно».

Вообще, удивительно, но источником вдохновения этот, на первый >

«НЕБАРТЕНЕВ ПОД МЯГКИМИ КИРПИЧАМИ».

«НЕБАРТЕНЕВ-САМОТРЯС И ШЕСТВИЕ СЕННЫХ ОСТРОВИТАН». СКУЛЬПТУРНАЯ ГРУППА «100 ОСТРОВИТАН». АНДРЕЙ БАРТЕНЕВ, ДАРЬЯ ЛИЩИЦЫНА, КИРИЛЛ БАИР. ШЛЯПА, SERGEY POLYAKOV; ОЧКИ, FAKOSHIMA X RIA KEBURIA; КРОССОВКИ, WALTER VAN BEIRENDONCK.

«В перформансах нет прагматизма, логики, точности. Все построено на импровизации, решения принимаются интуитивно, а это мой конек с самого детства».

«БЕЛЫЙ НЕБАРТЕНЕВ».
ОЧКИ, FAKOSHIMA
X RIA KEBURIA.

ДМИТРИЙ ЖУРАВЛЕВ

взгляд, совершенно урбанистический художник называет природу. «Каждый мой перформанс — поиск дорогих для меня искр искренности. А природа — это искренность в чистом виде и мощный учитель». Примерно так же рассуждали художники 1960-х, разочарованные в модернизме и его идее подчинения мира человеческому разуму. Именно они — предшественники и единомышленники Бартенева. «Тогда на Западе возникла совершенно новая эстетика тотального пластического преобразования мира, — объясняет искусствовед Сергей Хачатуров. — Стал популярен перформанс, появился театр Боба Уилсона, где костюмы, музыка, пластика важнее сюжета, возник танец Пины Бауш, основанные на природных формах скульптуры Аниша Капура, архитектура Захи Хадид и Фрэнка Гери. Сюда же относятся обложки The Beatles, эстетика дискотеки, психоделика, все, что связано с расширением сознания и освобождением мира. Россия пропустила этот этап в развитии мирового искусства. И Бартнев был первым, кто познакомил нашу культуру с открытиями в области пластических искусств».

Ш ровокатор и чудака родился и вырос в Норильске — на краю света, в черно-белом мире вечной мерзлоты. Из самых ранних воспоминаний — как в детском саду клеил из бумаги ромашку, а получилась хризантема, очень пушистая, с желтой серединкой: «Меня тогда поразила моя способность делать что-то своими руками». Еще любил лепить из пластилина: из большого серо-буро-малинового кома валял пещеры и туннели, украшенные пластмассовой мозаикой. Потом начал красить ткани и просил маму шить из них цветные комбинезоны. Заодно мог и лицо раскрасить.

Скульптуры Аниша Капура, здания Захи Хадид, танец Пины Бауш — перформанс Бартенева в этом же ряду.

Все это рукоделие пришлось кстати в Краснодарском художественном институте, где Бартнев учился на театрального режиссера. Потом в Сочи работал в местном театре моды. Время было перестроечное, старые стереотипы рушились, как Берлинская стена, на их месте возникали ростки новой, невиданной, альтернативной культуры. «Мы сколотили общество свободных художников и каждые выходные делали выставки, перформансы. Я вел совершенно праздный, богемный образ жизни, лежал на пляжах, на вертолете летал в Красную Поляну. И немножко преподавал, но в какой-то момент моя мама сказала: «Андрюша, а зачем ты вообще работаешь? Давай ты будешь заниматься только искусством, а я буду тебе давать деньги». Мама была очень простым человеком, но у нее была большая северная пенсия. И она впервые посеяла во мне, воспитанном в социалистической стране, мысль о том, что работать на государство не обязательно. Больше я нигде официально не работал».

«БОТАНИЧЕСКИЙ БАЛЕТ», 1993.

Т ак как для творчества ему теперь нужны деревья и воздух, Бартнев собирается переезжать из Москвы: «Либо в тихую российскую, либо в тихую европейскую провинцию». Чтобы, насмотревшись в тишине на снег, ландыши и небо, совершать оттуда буйные набеги в города. В том, что они не прекратятся, никаких сомнений нет. Его новое увлечение — скульптура, и для выставки в Московском музее современного искусства он придумал работу «Облепиха», в которой керамические шары облепляют металлическую конструкцию. Там же покажут архивные фото и видео, костюмы и инсталляции, а к открытию художник готовит перформанс. Вторая часть выставки откроется в октябре в галерее RuArts.

Еще Андрей лелеет мечту повторить макабрическое шоу 2000 года «Гоголь-моголь, или Приключения невидимых червячков в России». Тогда семьдесят участников, включая группу «На-На», безобразничали и кидались яйцами, а с балконов лилось молоко, сыпались мука, горох, летел мусор, в том числе крупные вещи вроде холодильников и радиоприемников. Всего в ход пошло шесть тысяч яиц и четыре тонны мусора. Здание клуба

«Студио» на Тверской после перформанса пришлось на месяц закрыть на ремонт. «К сожалению, эта эстетика падающей скульптуры не получила никакого продолжения, — говорит художник. — Хотя мне с тех самых пор очень близка тема разрушения в перформансах. Мне интересно, как плоть рождается и либо улетает, либо умирает у меня на глазах. Я все время подкатываю к Ольге Львовне Свибловой с идеей повторить тот проект, поскольку ее здание Мультимедиа Арт Музея — самое подходящее для такого действия. Но Свиблова пока не соглашается».

Зачем все это? Чтобы пробудить у пресыщенной московской публики способность реагировать, удивляться, переживать, открываться навстречу неведомому — то, что мы умели в 1990-е, но в тучные годы подзабыли. Но сверхцель для него — удивить самого себя. Действительно, расшевелить нас может только тот, кто сам еще не потерял способность удивляться. ■

АРТ-ДИРЕКТОР: БРЕНДАН АЛЛТОРП, ГРУМИНГ: МАРИЯ БОРЕЧЕНКО, ДИЗАЙНЕРЫ: ЮЛИЯ МАКАРОВА, ОЛЬГА ЛЬВОВЕ, АССИСТЕНТЫ: ИНГА ТАРАБАН, МАРИЯ ИВ. АССИСТЕНТ ФОТОГРАФА: АНДРЕЙ ХАРЬВИН, ВОЛД ПРОДЮСЕР: ЕЛЕНА СЕРОВА, АССИСТЕНТ ПРОДЮСЕРА: КСЕНИЯ ФИНОТЕНЕВА, РЕДАКЦИЯ VOGUE БЛАГОДАРИТ «КОНАКОВО РИВЕР КЛАБ», «АРХИВАРИИ ДЕТСКОЕ 2015» И AIR FASHION STORE ЗА ПОМОЩЬ В ПРОВЕДЕНИИ СЪЕМКИ